

БОКСЕРЫ

Майка Мэнсон

МУДРЕЦ АРРУБ

Annotation

Решившись обокрасть заморанского мудреца Арруба, юный Конан не предполагал, чем обернется для него обычное воровство.

- [Майкл Мэнсон](#)
 - [Первое предисловие автора](#)
 - [Второе предисловие автора](#)
 - [Майкл Мэнсон](#)
-

Майкл Мэнсон

Мудрец Арууб

Первое предисловие автора

Не в моем обыкновении предварять небольшие истории вступительным словом, но в данном случае мне захотелось кое-что напомнить читателям и любителям Саги о Великом Киммерийце. А именно следующее: насколько я знаю, ни один из авторов, писавших о приключениях Конана Варвара, не касался обстоятельств, при которых наш герой научился читать. Если я не прав, то не откажусь признать свою ошибку, если мне сообщат, в каком романе или новелле рассказывается, как Конан овладел письменностью — аквилонской, туранской, стигийской или любой иной. Он, несомненно, умел читать (сей факт отмечается во многих произведениях), а уж считал монету лучше некуда! Он разбирался в денежных знаках всех стран хайборийского мира, понимал толк в драгоценных камнях, в стоимости и качестве всевозможных товаров, был знатоком оружия и военного дела, мог управлять кораблем и отыскивать дорогу по звездам. Словом, он вовсе не являлся таким уж варваром, а был весьма образованным для своего времени человеком. Но основное — грамота! Без грамоты Конан не сделался бы удачливым вором, а тем более предводителем крупных пиратских и разбойничьих шаек, капитаном наемников, военачальником и, наконец, королем. Я полагаю, что искусством чтения и письма он овладел в юности, и к двадцати годам был уже вполне образован на этот счет. Вряд ли он обучился грамоте в Киммерии, ибо в такой невежественной и дикой стране меч и секиуру предпочитали книге и перу, а суровая жизнь не способствовала научным занятиям. Может быть, в детстве он знал руны, но они воспринимались Конаном скорее как таинственные священные знаки, отгоняющие злое колдовство, а не как буквы алфавита, способные запечатлеть слова, речи и мысли. Где же тогда он овладел грамотой? Безусловно, в одном из заморанских городов, в Шадизаре или Аренджуне, где ему довелось провести два или три года, с семнадцати до девятнадцати или двадцати лет. Там Конан обучался воровскому искусству, а виданое ли дело, чтобы настоящий вор не умел читать? Ведь грамота для него такой же элемент профессионализма, как умение лазать по крышам, пользоваться отмычкой и пересчитывать туранские золотые в аквилонскую серебряную монету! Итак, я предположил, что Конан обучился чтению и письму в Шадизаре, вскоре после своего появления в этой воровской столице хайборийского мира. Ну, а раз Конан играл роль ученика, то был, разумеется, у него и учитель, которого мне хотелось представить не только мудрым, но еще и добрым благородным человеком. Таким, который дарит знание бескорыстно, ибо уверен, что оно возвратится к нему умноженным стократ.

Майкл Мэнсон,
Санкт-Петербург, 1996 г.

Второе предисловие автора

У этой новеллы забавная история. Я написал ее в июне 1996 года для цикла «Шадизарские ночи», но опубликована она не была. Как сказано в первом предисловии, сюжет новеллы таков: юный Конан обучается грамоте. По моему авторскому желанию некоторые буквы хайборийского алфавита в тексте новеллы полагалось изобразить в виде рисованных рун, что, видимо, превосходило полиграфические возможности издателя, и по этой причине рассказ не был напечатан. А я про него благополучно забыл. В мае этого года ко мне обратилась с письмом Елена (ник Bingam Vici), читательница (и почитательница) историй о Конане Варваре. Елена интересовалась, где и когда была опубликована моя новелла «Мудрец Арруб». Собравшись ответить ей, я просмотрел тридцать пять первых томов Конанианы — то, что было издано до меня, после меня и в тот период, когда я занимался этим проектом, — но в книгах новеллы не нашел. Затем отправился на сайт cimmeria.ru, где собраны практически все произведения о Конане, но и там под моим псевдонимом (Майкл Мэнсон) «Мудреца Арруба» тоже не имелось. Однако я помнил, что эта новелла была мною написана. Пришлось поискать в коробке со старыми дискетами, где «Мудрец» и обнаружился. Теперь, спустя тридцать лет, эта история возвращается к читателям — благодаря Елене. Поэтому не удивляйтесь, что я посвятил «Мудреца Арруба» ей.

Михаил Ахманов. он же —

Майкл Мэнсон

Санкт-Петербург, май 2009 г.

Майкл Мэнсон

Мудрец Арруб

*Посвящается Елене Bingam Vici,
благодаря которой эта новелла
была извлечена из тьмы забвения.*

В одном из узких и смрадных тупичков Пустыньки, шадизарского воровского квартала, под раскидистым тополем с пыльной кроной притулась небольшая хижина. Впрочем, назвать это строение хижиной, лачугой или, тем более, домом, значило бы оказать ему слишком большую честь; скорее эта хибарка напоминала нечто среднее между собачьей конурой и сараев, где у рачительного хозяина хранится всякий хлам — того сорта, что использовать нельзя, а выбросить жалко.

В этом логовище была единственная комнатушка с земляным полом, тесная и грязноватая; в ней с трудом помещались ложе, с которого свисал потертый ковер, пара кривоногих табуретов, некое подобие стола, сбитого из неструганных досок, и шкаф, самый солидный предмет обстановки, занимавший едва ли не четверть всей каморки. Шкаф, безусловно, знал лучшие дни, но теперь резьба на нем потрескалась, краска облупилась, цветные стекла, украшавшие дверцы, исчезли, и зиявшие на их месте дыры казались пустыми глазницами в отполированном ветрами и дождями черепе. Шкаф, однако, был еще прочен: массивное сооружение семи локтей в высоту и пяти в ширину могло прослужить еще немало лет. Во всяком случае, шкаф пережил бы владельца этого убогого жилища, который мог закончить свой земной путь либо на виселице, либо под топором палача, либо в одном из шадизарских каналов, самом грязном и мерзком, где воды мешались с нечистотами.

Но день этот еще не настал, и Ши Шелам, хозяин лачуги у развесистого тополя, пока оставался в добром здравии, с завидным искусством избегая и веревки, и топора, и неласковых рук конкурентов по воровскому промыслу. Недаром его звали Ловкачом; в Шадизаре эта кличка что-нибудь да значила! По внешности своей Ловкач являлся типичным заморанцем — невысоким, черноволосым, тощим и смугловатым, с близко посаженными темными глазками и острой мордочкой хорька. И нрав у него был как у хорька — Ши Шелам умел разнюхать, где что плохо лежит, не забывая при том об осторожности. Незаменимый помощник и наставник для начинающего вора!

Тот, кто был учеником Шелама, расположился сейчас на табурете, едва способном выдержать тяжесть его огромного, мускулистого, плотно сбитого тела. Совсем молодой парень, лет семнадцати или восемнадцати на вид, с копной черных длинных волос, синеглазый, с крепкими челюстями и упрямым выражением на лице; высокий рост, могучие плечи и грубоносые, будто высеченные из камня черты выдавали в нем варвара.

Он и был варваром, уроженцем киммерийских гор, желавшим, как и многие его соплеменники, снискать славу, почести и богатство в изнеженных странах юга. Звали его Конаном; и, обладая характером независимым и своевольным, он пока что не собирался продавать свой меч и служить наемником в войске какого-нибудь великого владыки, властелина Турана, Зингары или Аквилонии; он жаждал свободы и золота, и лишь два занятия, как ему казалось, могли обеспечить и то, и другое: воровство и грабеж. Что касается разбойниччьей науки, то ее он уже постиг, поскольку самым важным в ней являлись воинское

умение, сила и бесстрашие; а вот в воровском деле он был еще учеником. Ведь воровать — не грабить; тут нужны искусное обращение с запорами да замками, ловкость рук, острота взгляда и немалые познания в части сбыта драгоценных камней, тонкого сукна, парчи и шелка, сосудов из фарфора и стекла, редкостных пряностей и остальных сокровищ, что плохо лежат в хозяйской кладовой. К тому же настоящий вор должен разбираться в монетах полусотни стран, знать, скольким серебряным немедийским драконам равен туранский диск с профилем владыки Илдиза и сколько меди подмешивают в золотые Офира, Коринфии Аргоса и Шема. Не лишним являлось и умение считать, писать и читать. Большую часть этих премудростей, включая счет, Конан осваивал с успехом, но вот грамота в голову ему не лезла никак; пальцы его привыкли сжимать эфес меча и топорище секиры, а не перо и стиль.

Сейчас, однако, речь шла не о перьях, пергаментах и писчих стилях, а о совсем о других, более весомых предметах.

— Говорю тебе, бычий загривок, — произнес Шелам, хитро поблескивая глазками, — у этого Арруба мешки с деньгами валяются прямо на полу, во всех углах. Он монету не считает, ни золото, ни серебро! Да и как иначе: всякий развязет кошель и отдаст последнее, чтобы избавиться от хвори или там залечить рану. Вот и несут Аррубу денежки! А ему много ли надо? Лепешка, горсть фиников да глоток вина! Говорят, он и мяса-то не ест, пробавляется плодами да овощами!

— А еще говорят, что он маг, — мрачно буркнул Конан. — Маг, колдун и проклятый чернокнижник!

Не то чтобы он сильно боялся колдунов, но предпочитал с ними не связываться, ибо в варварской его душе нашли приют и суеверия Киммерии, и предрассудки более северных стран, таких, как Асгард и Гиперборея. В Гиперборее он хлебнул неприятностей с избытком, попав к плен к чародеям этой сумрачной земли; память о замке Халога и ведьме Вамматар, его владычице, была еще совсем свежей, и Конан дал зарок держаться от колдунов подальше.

— Не маг он и не чернокнижник, — возразил тем временем Ловкач. — Он — знахарь и целитель, понимаешь, дурья башка? Маг и знахарь — это большая разница! Маг занимается колдовством и водится с тварями тьмы, а знахарь лечит, зашивает раны и ставит клизмы. Его дело — травки, корешки да снадобья.

— Кром! Есть такие снадобья, от коих сдохнет и вендинский носорог! Ты об этом подумал, тощий обглодыш? Да и всякий знахарь умеет колдовать и шептать наговоры... А наговоры — опасная штука; могут исцелить, а могут и на месте прикончить. Когда я влезу к этому Аррубу в дом, поздно будет разбираться, маг он или лекарь! Нет, — Конан покачал черноволосой головой, — ты мне найди, Ловкач, богатого купца либо вельможу с сундуками, полными золота, тогда и потолкуем!

Насчет целителя Арруба они толковали уже не в первый раз, так как Ши Шеллам исполнял при Конане не одну лишь роль учителя и помощника по части сбыта награбленного и уворованного, но был еще и превосходным наводчиком. Знал он в славном Шадизаре каждую щель, всех богатых людей, и благородных, и купеческого звания, и всех дневных иочных мастеров-искусников, умельцев, что срезают на базарах кошельки либо орудуют с отмычками у чужих дверей и сундуков. Но знания эти пропадали втуне — до тех пор, пока Конан не появился в Шадизаре и не встретился с Ши Шелламом. И теперь благополучие последнего зависело от успехов и удачи киммерийца. Если уж говорить всю правду, то был Ловкач не только наставником, помощником и наводчиком, сколько шакалом, кормившимся крохами от трапезы льва. И он совсем не желал, чтобы этот лев лишился своей шкуры.

— Найти нобиля или купца не хитро, — пробормотал он. — Их в Шадизаре как пчел у кубка с медом... И у каждого — сундуки с богатствами, но при тех сундуках — стражи с дубинками да бритунские наемники с мечами. А старый эль Арруб живет с единственным слугой, немым да глухим, и ничего острого в доме не держит. Разве лишь ножик, чтобы чистить морковь да снимать кожуру с апельсинов. Нет в усадьбе его ни забора, ни злобных собак, ни охранников-меченосцев. Приходи и бери что хочешь!

— Стражей и мечей я не боюсь, — твердо заявил Конан. — А с колдуном связываться не хочу! Все они прихвостни Нергала!

— Кому Бел ворожит, тот может не бояться Нергала... — Ши Шелам скосил глаз на свой необъятных шкаф, в одном из отделений коего хранилась статуэтка означенного бога. Вообще-то Бел являлся шемитским божеством и пришел в Замору с берегов Западного океана, из порта Асгалун, пропутешествовав по всему Шему и Хаурану, по землям отъявленных злодеев, кочевников-зуагиров. Но в заморанских великих городах, Шадизаре и Аренджуне, шемитский бог обрел вторую родину; он покровительствовал грабителям и ворам, а Замора была самым грабительским и воровским местом на всем необъятном Гирканском континенте. Те, кто поклонялся Белу, жили только воровством; а коль случалось им приобрести что-нибудь честно, то за сей грех должны были они украсть втрое больше купленного. Конан, однако, против Бела не грешил и расплачивался лишь за мясо и вино в кабаке Абулетиса, в одной из многих харчевен, где собирался вечерами шадизарский воровской народец. Бывали там и люди посерзнее, грабители и наемные убийцы из банд Синих Тюбанов и Ночных Клинков, подданные Кривого Хиджа и Харама-Хромонога, но с ними Конан знакомства не водил и вин не распивал. У них учиться было нечему; убивать он умел и так — и куда лучше, чем эти ублюдки.

Правда, не обходилось у киммерийца дело без ссор и кровавых разборок с местными мастерами ножа, так как все они были друг другу конкурентами и нередко раскрывали пасть на один и тот же лакомый кусок. Но из всех таких переделок Конан пока выскальзывал, словно смазанный маслом черенок кинжала, оставляя на память соперникам лишь свежие трупы.

Но трудности с выбором достойной цели все-таки случались нередко. Хоть и не оскудел Шадизар жирной рыбешкой, однако и ловцов на нее было предостаточно, не одни лишь Синие Тюбаны да Ночные Клинки, так что временами Конану приходилось затягивать кушак потуже. Вот и сейчас наступили такие дни, а потому шеламова идея насчет сундуков престарелого целителя казалась вполне своевременной. Правда, Конана смущало, что никто другой на богатства Арруба вроде бы не зарился. Зabora нет, псов и стражи нет, а воры в дом не лезут! Раз не лезут, значит, боятся... Или не так уж Арруб богат, чтобы стоило его распрошить?..

— Ну, так что ты решил, приятель? — Глазки Ши Шелама блеснули, на острой мордочке было написано нетерпение. — Потрясешь мудреца? Ты не сомневайся, там есть чем разжиться!

— Может, и есть, коротышка, — сказал Конан, поглаживая свой огромный меч, — только я лучше бы потряс караван. Сотня верблюдов, две сотни выюков да тюков... Клянусь задницей Крома! Вот где можно разжиться!

— Рожу я тебе, что ли, этот караван? — пробурчал Ловкач. — У меня в брюхе и верблюжий горб не поместится, не то что сотня верблюдов! Опять же какой с каравана толк? Ткани возьмешь, ковры, сосуды из бронзы или стекла, вино — все нужно продавать. А у

Арруба не выюки с тюками, а монеты! Звенит куда веселей... Так, бычий загривок?

Киммериец до половины выдвинул меч из ножен и со вздохом сожаления загнал его обратно ударом крепкой ладони. Связываться с лекарем-колдуном ему не хотелось, однако он понимал, что Ловкач Ши прав: золото — всегда лучшая добыча. Все остальное, даже самоцветы, надо продавать... все, кроме вина... попадись ему вино, особенно аргосское, его бы он выпил сам...

Тут Конан припомнил, что со вчерашнего вечера в глотке у него не было ни капли, потому как и в кошеле ничего достойного упоминания не звенело — одни лишь медяки да пара серебряных монет. Выходит, судьба, подумал он, представляя, как взламывает сундуки в аррубовых подвалах. Если не слишком греметь, колдун, пожалуй, и не проснется... А коль проснется...

Он бросил взгляд на свой клинок и повернулся к Шеламу.

— Ладно, обглодыш, пощупаю я нынче ночью этого Арруба! Может, ты и прав, что он одни лишь зелья варит, а черной магией не балуется... Может, лекарю это и ни к чему...

— Давно бы так! — Ловкач Ши подскочил, ринулся к огромному шкафу и, пошарив в его глубинах, вытащил старое, видавшее виды огниво. — Ну, раз ты идешь за добычей, надо бы молитву вознести преблагому Белу, заступнику нашему, милостивому, хитроумному, с рукой в чужом кармане...

— Это в чьем же? — поинтересовался Конан.

— Мало ли в чьем... — пробормотал Ловкач, вздувая огонь в курильнице перед статуэткой Бела. — На свете много других богов — Митра, скажем, или Ариман, Мардук, Сет, да и твой Кром... Есть у кого пошарить в карманцах!

Конан ухмыльнулся.

— О ваших южных богах ничего не скажу, но если Бел заберется в карман Крому, то вмиг станет евнухом! Кром, коротышка, шутить не любит!

— Чтобы наказать, надо сперва поймать! — с серьезной миной произнес Шелам, раздувая огонь в крохотной курильнице. Вскоре над нею взвился благовонный дымок, окутал изваяние божества и нежно защекотал в ноздрях киммерийца. Конан, положив руки на крестовину меча, оперся о них подбородком и опустил веки, прислушиваясь к быстрому и невнятному бормотанию Шелама.«...А еще пошли, милостивый и щедрый, мешки с монетами, шкатулки с браслетами, ларцы с самоцветами, а замки без секретов...» — донеслось до него.

И чтобы тех мешков да ларцов было побольше, — добавил про себя Конан, присоединившись к молитве приятеля.

* * *

Дом мудреца Арруба стоял в довольно странном месте, звавшемся в Шадизаре Наконечником: здесь сходились под острым углом две дороги, Шемитский Тракт и проулок Пустой Сумы, так что их пересечение напоминало острие копья. Вдоль Тракта, как следует из его названия, некогда селились пришельцы с запада, из Эрука, Асгалуна и других шемитских городов, коим жизнь в Шадизаре мнилась безопаснее и прибыльнее, чем в их родных краях, нередко страдавших от междуусобиц и стигийских нашествий. Шло время, и переселенцы смешались с коренными заморянами. Были они не из бедных сословий — в

основном, купеческого звания либо искусные ремесленники, ткачи ярких ковров, гравильщики дорогих камней да златокузнецы, и, само собой, роднились с теми из заморян, кто побогаче. Теперь, по прошествии двух или трех веков, Шемитский Тракт населял большей частью состоятельный народец — такие люди, в чьих карманах всегда побрякивало если не золото, так серебро. О шемитских предках тут давно позабыли, и если что и напоминало о них, так лишь курчавые бороды у мужчин и выющиеся волосы у женщин. Во всем же прочем обитатели Тракта не отличались от состоятельных шадизарцев и при нужде были готовы щедро оплатить услуги мудрого знахаря.

Что касается проулка Пустой Сумы, то там жила голь перекатная, у которой не то что серебра в карманах, но самих карманов и кошелей отродясь не водилось. А все потому, что люди эти не входили в шадизарские разбойничьи, воровские и нищенские цеха — их туда не брали по причине полной бесполезности, незлобивости и простодушия. Так что промышляли они самым простым и грязным ремеслом: мели улицы, чистили нужники, забивали скот, носили и таскали, грузили да разгружали. Недуги и раны у них, разумеется, имелись, а вот деньгами на лечение от всяких хворей боги их почему-то не жаловали.

Но Арруб от них не требовал ни серебра, не меди. Сам он обитал в Шадизаре с незапамятных времен — может, и родился здесь столетие или два назад; и коль выпало ему поселиться между богатством и нищетой, между тучной и тощей козами, мудрец легко вычислил, какую доить, а какую щадить. Будучи искуснейшим целителем, пользовал он в равной мере и состоятельных купцов, и метельщиков улиц, требуя с первых щедрую мзду, а от вторых довольствуясь добрым словом да молитвами светлым богам. По натуре своей являлся он человеком нелюдимым, хоть и не угрюмым; держал в доме всегда единственного слугу, и когда тот в старости отправлялся на Серые Равнинны, придилично нанимал нового, требуя, чтобы был он предан и не болтлив, а желательно — нем. Потому в Шадизаре не знали, чем занимается Арруб вечерами, уврачевав днем болячки бедных и богатых: то ли варит колдовские зелья, то ли оживляет мертвцев, то ли беседует с духами да оборотнями, то ли поклоняется неведомым и жутким демонам, одарившим его целительной силой. Поговаривали всякое, но вряд ли этим разговорам стоило верить: языки у шадизарцев были что мельницы, только мололи они не муку, а всякий вздор.

Однако никто не сомневался, что Арруб — могущественный колдун, маг и чернокнижник, которому, быть может, нет равного в Шадизаре, а то и во всей Заморе. Ведь целил он не только бальзамами и зельями, но и наложением рук, заклятиями, музыкой и песнопениями. Рассказывали, что когда случились тяжкие роды у жены ювелира Паха Сидри, повелел мудрец привести с базара вендинского флейтиста — из тех, что заклинают змей — и нашептал ему на ухо некую мелодию; и под ту мелодию младенец-де уменьшился до кулака и выскользнул из чрева ювелировой жены, как ящерица из пальцев. А потом, само собой, увеличился, и стал расти, и вырос крепким молодцом, на коего всякий мог поглядеть и полюбоваться в мастерской Паха Сидри. Еще рассказывали, что принесли раз к Аррубу городского стражу, расположенного бандитской секирой чуть ли не до пупка, и целитель, уложив обратно кишки несчастного, сдвинул края раны, огладил ладонями, что-то пробормотал да сплюнул три раза через плечо — и рана закрылась, словно ее и не было. Надо полагать, и кишкы, в которых уже свистал ветер, тоже срослись, ибо исцеленный страж до сих пор нес службу у ворот и на базаре, отличаясь к разбойникам да ворам безмерной лютостью. И еще рассказывали, что вылечил Арруб некоего молодого нобиля из Аренджуна, близкого ко двору самого заморанского владыки. Этот благородный юноша страдал падучей

болезнью, корчами и бессноватостью, и целили его припарками да наговорами много лет семижды семь лекарей из Турана, Иранистана, Коринфии, Офира и чуть ли не из далекого Кхитая. Целили, но исцелить не смогли! Аррубу же ни припарки, ни наговоры не понадобились; он лишь глянул раз на болящего да бровями пошевелил по-особому — и все хвори разом покинули страдальца.

Вот каким зناхарем был старый Арруб! И потому был он не беден, совсем не беден! С порубленного стражи не взял ничего, с ювелира Паха Сидри потребовал кошель серебра, а родичи бессноватого юноши, по слухам, уплатили мудрецу две тысячи золотых. Копил ли он богатство? Отличался ли жадностью? Был ли добр, был ли зол? О том в Шадизаре никто не знал, не ведал... А чего не знают в Шадизаре, того не знают и на всем свете.

Единственным зрячим выражением аррубова богатства являлся его дом. Собственно, то был не дом, а целая усадьба между упомянутым Шемитским Трактом и проулком Пустой Сумы, большой треугольный участок в две сотни шагов длиной, стоивший немалых денег, так как земля в городе ценилась высоко. В давние времена участок был засажен платанами; теперь деревья разрослись, и их кроны и ветви, переплетаясь на высоте сорока локтей, образовали непроницаемый зеленый шатер, так что ничто не мешало незамеченным подобраться к дому. В разбойном Шадизаре это являлось скорее недостатком, чем преимуществом, но Арруб, видно, грабителей не боялся и рощу вырубать не хотел. Да и чего ему было бояться? Кто полезет в хоромы целителя и колдуна, даже набитые золотом по самую крышу?

Смельчак, однако, нашелся.

Ступая бесшумно, как горный барс, скрывающий добычу, Конан миновал платановую рощу, подивившись, что деревья и вся усадьба не огорожены забором. Не было изгороди и вокруг жилища — ни каменной стены, ни железной решетки, ни даже плетня из ивовых прутьев, обмазанных глиной. Все, как говорил Ловкач Ши Шелам! Входи, и никто не остановит, ни забор, ни псы, ни сторожа... Разве что имелась у мудрого Арруба другая охрана, магическая? Но Конан не чувствовал ее, не видел и не слышал.

Тихий и словно бы беззащитный темнел за платанами дом, старое длинное двухэтажное строение из обожженного кирпича, развернутое одним фасадом к Шемитскому Тракту, а другим — к проулку Пустой Сумы. Богатый конец, бедный конец, мелькнуло у Конана в голове. С какой стороны влезть?

Раз пришел за золотом, лучше лезть с богатой, решил он, поправляя висевший на плече объемистый мешок. Затем киммериец обогнул аррубовы хоромы и обнаружил, что никакие воровские хитрости и уловки тут не нужны. Ни к чему подниматься на крышу и нырять в дымоход, не надо прятываться в узкие окна, незачем разыскивать тайные ходы в подвал или срывать замки с дверей. Да, уж это было бы совсем лишним! Потому как дверей не имелось вовсе, а вместо них зиял в стене проем, такой широкий, что впору заезжать на колеснице. И не мерцало перед ним никаких магических завес, не стоял на страже огнедышащий демон, не горели у порога охранительные руны...

Конан остановился, с подозрением оглядел темный дом и слегким слюну; в горле у него пересохло, и он чувствовал, что кружка доброго вина пришла бы сейчас весьма кстати. Но хмельного у него не было, а был тощий кошель, пустой мешок да меч на перевязи за плечами; и, вытащив его, киммериец решительно шагнул к проему.

За ним находился обширный зал, убранный небогато, но пристойно: ковры на полу и стенах, пять или шесть удобных кресел, ложе с мягкими подушками, а рядом с ним —

высокий бронзовый подсвечник с горящей свечой, невидимой снаружи. Света она давала немного, но киммериец, зоркий, как орел, увидел все, что было нужно: первое — что покой безлюден, второе — что нет тут ничего ценного. Кроме, возможно, подсвечника, тянувшего на девять-девять серебряных монет... Но не за подсвечниками он сюда пришел! И не за старыми потертymi коврами!

Судя по всему, этот зал предназначался для посетителей с Шемитского Тракта, для тех, кто побогаче. Тут они могли подождать целителя, поразмышлять о своих болезнях, помолиться об излечении и прикинуть его стоимость... Маг, очевидно, выходил к ним из-за бархатной завесы под стрельчатой невысокой аркой, что вела вглубь дома. «Наверняка к сокровищам!» — решил Конан и, не выпуская меча из рук, отдернул занавес кончиком клинка.

Открылся еще один покой, более обширный и озаренный тускловатым светом хрустального шара, парившего в воздухе. Под шаром помещался стол на низких ножках, обтянутый кожей — тут, судя по всему, целитель осматривал своих больных. Вдоль стеншли открытые полки, заставленные книгами, скелетами, человеческими черепами и странной посудой из бронзы, камня и стекла; стеклянные кувшины имели особенно причудливую форму, напоминая то миниатюрные башни, конусы или пирамиды, то свернувшихся кольцами змей или перевернутые воинские шлемы, то длинные тонкие трубы, сверкавшие в деревянных держателях. Одни из этих сосудов были пусты, другие наполнены до половины либо до краев, но тянуло от всех одинаково мерзким душком. Конан поморщился и вступил в зал.

Ничего не случилось. Хрустальный шар под потолком не метнул в него молнию, не лязгнули зубами черепа, и скелеты крыс, ящериц и кошек не соскочили на пол и не набросились на дерзкого пришельца. Похоже, магией тут и не пахло; вонало едкими и прямыми снадобьями, кожей и старыми костями. Окончательно успокоившись, киммериец бросил меч в ножны, подмигнул мерцающему над ним шару и огляделся.

Кроме стола и полок в этой комнате была еще одна стрельчатая арка с занавесом — в точности напротив той, под которой проскользнул незванный гость. Еще были две лестницы: широкая, из потемневшего дуба, вела наверх — несомненно, в хозяйские чертоги на втором этаже; другая, узкая — вниз, в подвал или подземелье. Отметив этот факт, Конан неслышной тенью пересек комнату и приблизился к арке — полюбопытствовать, что за нею.

Как оказалось, ничего интересного, ничего сулящего добычу. Еще одно помещение для ожидающих пациентов, как и с другой стороны дома — только здесь вместо ковров лежали циновки и не было кресел, а лишь скамьи у стен, покрытые сукном. Оно и понятно, решил Конан; этот покой выходил к проулку Пустой Сумы, а тем, у кого сумма пуста, ковры и кресла, конечно, не полагались.

Опустив занавес, молодой киммериец вернулся к лестницам, что вели в подвал и на второй этаж, и застыл в раздумье. Тут дорога его как бы разветвлялась между разбоем и воровством: путь наверх, весьма возможно, означал столкновение с хозяином и схватку, путь вниз — тихий и незаметный поиск чаемых сокровищ. Поразмыслив, Конан все же двинулся в подвал. Как он и толковал Шеламу, встречаться с колдуном и испытать на собственной шкуре чародейные заклятья старого Аруба ему совсем не хотелось. К чему лишние хлопоты и неприятности? Не за ними он пришел сюда, а за золотом...

Но золота не оказалось и внизу. В обширном прохладном подземелье с каменными стенами тоже висел хрустальный шар, и в его неярком свете Конан различил длинные

высокие столы вдоль стен, заставленные тиглями, всевозможными сосудами и каменными ступками, заваленные пучками трав, обломками костей, инструментами из бронзы и стали, раскрытыми книгами и клочками исписанного пергамента. Под столами зияла пустота, а над ними тянулись такие же полки, как в комнате наверху, но было их раза в три побольше. На одних стояли все те же причудливые сосуды с таинственными жидкостями, мерцавшими рубиновым, изумрудным и ametистовым светом, на других громоздились до самого потолка скелеты разных тварей, засушенные бабочки и жуки, чучела птиц, зверей и странных чудищ, третья прогибались под книгами. Книг тут было невидано и несчитано — может быть, сотня или две, — и Конан сперва косился на них с опаской. Но среди переплетов, костяных, деревянных и кожаных, он не разглядел ни одного, который был бы черного цвета. Видно зря считали Арруба чернокнижником — был он просто книгочий и искатель знаний, а не слуга проклятого Сета или злобного Нергала.

Пожалуй, в самом деле так, решил Конан, втянув носом насыщенный лекарственными ароматами воздух. Но, хоть от книг и плошек с зельями не веяло злым колдовством, осторожности он не потерял и продолжал принюхиваться да приглядываться — в точности как дикий зверь, высматривающий одним глазом добычу, а другим — ловушку.

Затем, неслышно ступая с пятки на носок, киммериец обошел раз-другой подземелье, разглядывая всяческие диковины на столах и стенах. Но увы! Не было тут серебряных чащ и флаконов из драгоценных камней, не сверкали золотом рукоятки странных инструментов, не блестели самоцветы на толстых книжных корешках... Нет добычи и нечего прятать в мешок! Словно насмешка лукавого Бела болтался он за плечами Конана — бесполезный и пустой, как горб верблюда, потерявшегося в безводной пустыне. Представив этого верблюда, Конан снова ощущил приступ жажды и зло сплюнул.

Кром! К чему понесло его в жилище колдуна? Что тут возьмешь, в этом холодном мрачном подвале? Что тут есть — кроме горшков, стекляшек, сухих костей да непонятных пергаментов? На них, скорее всего, премудрый Арруб и спускает все заработанные денежки... на эти вот фолианты да на чучела крыс и жаб! Куда ни глянь, скелеты, книги, черепа и зелья в банках! А ведь Шелам, вонючий недомерок, другое обещал... Где же сундуки с монетами, шкатулки с браслетами и ларцы с самоцветами?

Призвав проклятье на голову Ловкача Ши, Конан еще раз обшарил полки быстрым взглядом. На одной из них, самой высокой, заставленной глиняными кувшинами с крышками, вроде бы отсвечивало в глубине что-то блестящее и серебристое, похожее на небольшой ящичек... Надо бы проверить, подумал он и направился к столам под полкой.

Здесь, в большом деревянном ящике десяти с лишним локтей в длину располагался какой-то загадочный агрегат из меди и стекла, похожий на крошечный замок аквилонского вельможи. Словно башни тянулись вверх стеклянные трубочки и цилиндры, расходившиеся на концах широкими воронками, пустыми или прикрытыми клочками мягкой ткани; массивной цитаделью пластался ниже плоский сосуд-саргофаг с толстыми хрустальными стенками; прикрывавшая его медная пластина казалась кровлей миниатюрного строения, украшенной фигурками драконов и чертежами звездных небес; тянувшийся к тиглю причудливый змеевик выглядел крытым извилистым переходом, проложенным к кузнице; ну, а борта ящика вполне могли сойти за крепостные стены. Оглядев это чудо, Конан хмыкнул, оперся о край стола и легко вспрыгнул вверх. Одна его ступня утвердилась рядом с тиглем, другая — на краю стола; сильные пальцы вцепились в полку с кувшинами и блестящей шкатулкой. Шума при том киммериец произвел не более, чем мышь, прошмыгнувшая к корке

сыра.

Да, тут был ящик! Плоская серебряная шкатулка величиной в две ладони, спрятанная за глиняными горшками с каким-то пойлом... Конан нетерпеливо отодвинул их, и вдруг, перебивая запахи трав и бальзамов, ноздрей его коснулся упоительный аромат — такой, что разом вспомнилась ему таверна жирного Абулетиса и большие бочки, наполнявшие ее подвалы.

Запах, ознако, был похож и не похож на винный; от горшков явно тянуло хмельным, но не турецкой кислятиной, не терпким огирским, не крепким аргосским и не сладким пальмовым вином Иранистана. Пожалуй, больше всего это напоминало мед, пьяный медовый напиток, какой готовят в Британии и других северных странах, где не растут финиковые пальмы и виноградная лоза. Конечно, южные вина разнообразней по вкусу, но и меды бывают всякие — смотря по тому, с каких лугов пчелы несли нектар и что за травы добавлены медоварами к напитку... В иных случаях получалось совсем неплохо — и крепко, и сладко, и ароматно... Словом, Конан ничего не имел против меда и смущало его лишь одно — что мед сей сварен колдуном.

Или все ж таки нет? Мог же Арруб держать хмельное для себя... честный напиток себе на потребу, без всяких чародейных хитростей... колдуны ведь тоже люди...

Пить хотелось с каждым мигом все сильнее. Наконец, отбросив колебания, Конан потянулся к кувшину, ухватил его за горлышко, сбросил большим пальцем крышку, запрокинул голову и наклонил сосуд. Напиток оказался восхитительного вкуса и покрепче британской медовой браги; не портил его и слабый оттенок горьковатых трав, будивших воспоминания о горных лугах Киммерии. Это питье отличалось лишь одним недостатком — было его немного, и Конан опростал кувшин в десяток глотков. Однако жажду ему удалось утолить.

Чувствуя, как внутри разливается приятное тепло, он поставил опустевший кувшин на стол, затем осторожно раздвинул прочие горшки, потянул к себе шкатулку и сунул ее за кушак. Ларчик показался ему тяжеловатым, и это обстоятельство, вместе с бродившим в жилах медком, наводило на самые приятные мысли: может, серебряное чрево шкатулки набито золотом, а может, вендинскими рубинами или смарагдами из Черных Королевств... Или алмазами, что сияют радугой в солнечном свете, или разноцветным жемчугом из моря Вилайет, или редкостными янтарями с пиктского побережья...

Конан почувствовал, как его злость на Ши Шелама проходит. Довольно ухмыльнувшись, он опустил руки, готовясь спрыгнуть вниз, а затем еще раз-другой прогуляться по залу и поглядеть, не запрятано ли еще что-нибудь за посудой с зельями, скелетами да книгами. Там, где нашелся один серебряный ларец, может отыскаться и второй... А где второй, там и третий... А где третий, там...

Внезапно он ощущил, как перевязь с мечом скользит с плеча, словно сдернутая чьей-то невидимой рукой. В следующий миг меч с грохотом свалился на каменные плиты пола, за ним последовали мешок, кожаная безрукавка и пояс, вместе с засунутым под него ларцом и кинжалом. От неожиданности Конан покачнулся, пальцы его железной хваткой вцепились в край полки, и тут же он словно бы взлетел, выскользывая разом из штанов и сапог. Голый и беззащитный, он мчался вверх, вверх, вверх — и, в то же время, странным образом оставался на месте, чувствуя под руками твердое дерево, казавшее с каждым мгновением все более шершавым, трещиноватым и неровным. Он глянул на потолок, и увидел гигантский сияющий шар-солнце, паривший под необозримым каменным сводом; он посмотрел вниз — там

разверзлась пропасть, и на самом ее дне вздымались стеклянные башни крепости, раскрывали жадные зевы воронки, поблескивала медная кровля... Он догадался, что замок в ящике под ним очень далек, а значит, очень велик.

Затем колени его стукнулись о полку, и удар этот был так силен и внезапен, что киммериец, вскрикнув, разжал пальцы. Он услышал свист воздуха, почувствовал холод ветра нагой кожей, всем телом ощутил его леденящее прикосновение и понял, что летит вниз словно брошенный с вершины горы камень.

Вниз, вниз, вниз...

Вниз, к смерти на шпилях стеклянных башен, к гибели на медной кровле саркофага, исчерченной звездными знаками; вниз, к хрусту переломанных костей, к шипению крови, покидающей лопнувшие жилы, к гулкому удару о твердый металл или обманчиво-гладкое стекло... Вниз, к тропе, что ведет на Серые Равнины!

Его спас клочок шелковистой ткани, прикрывавший один из конусов. Собственно, клочок этот вовсе не показался Конану клочком — он был велик, прочен и толст, как самый огромный турецкий ковер, который накрыл бы полностью всю хижину Ши Шелама. Запутавшись в нем, киммериец соскользнул в стеклянную трубку, увенчанную конусом, стремительно прокатился по гладкой холодной поверхности и ударился обо что-то твердое, похожее на отшлифованный до зеркального блеска камень.

Но то был не камень.

Поднявшись на ноги, Конан увидел прозрачный пол и прозрачные стены, возносившиеся над ним на высоту пяти человеческих ростов, а еще выше — темную плоскую кровлю, подобную крыше саркофага. За стенами простирался целый мир: гигантская, невероятных размеров пещера, под сводами которой висел тускловатый солнечный диск — или другое светило, напоминавшее солнце и видом своим, и величиной. Под его лучами можно было разглядеть уходившие в неизмеримую высоту уступы, заставленные какими-то непонятными и неразличимыми за дальностью предметами, о коих Конан мог сказать лишь одно: что они велики, как дворец знатнейшего из швейцарских вельмож. В углу огромной пещеры возвышалось нечто похожее на горный склон, выглядевший очень странно, так как шел он вверх абсолютно ровными складками одинаковой ширины и высоты, будто бы вырубленными топором и обтесанными до полного подобия. Таких гор Конан не видел нигде — ни в Заморе, ни в Бритунии, ни в Гиперборее, ни в родной Киммерии. И тем не менее, странная гора напоминала ему нечто знакомое, давно известное и привычное...

Ошеломленный, он прижался всем телом к прозрачной стене, напряг память и вздрогнул. На мгновение все предстало перед ним в своих истинных размерах: солнце обратилось шаром, парившим у потолка подземелья, уступы стали полками и столами, а складчатая гора обернулась лестницей. Сам же он — крохотный, как половина мизинца! — был заключен в склеп из хрусталия, прикрытый сверху медной пластиной с изображениями драконов и небесных светил.

* * *

Не успел Конан осознать и оценить значение своей догадки, как со стороны лестницы послышался грохот. Звуки были ошеломляюще гулкими и размеренными, и вскоре показались киммерийцу уже не громовыми ударами, а чудовищным топотом, словно в

подземелье спускалась целая армия тяжеловооруженных бойцов, шагавших в ногу по устланной каменными плитами площади.

Но это был всего лишь один человек — титаническая фигура в темной мантии, подобная движущемуся утесу. Лица его, безмерно далекого и огромного, Конан не мог рассмотреть; оно представлялось хаотичным нагромождением каких-то выступов и впадин, промоин-морщин, пещер-ноздрей и расселин-губ. Сами Перворожденные Гиганты, дети Митры, что держат на плечах своих земной круг, не могли бы ему показаться грандиознее и страшнее!

«Хозяин», — с содроганием подумал киммериец. — «Целитель Арруб! Услышал звон упавшего меча и явился посмотреть, кого занесло в подвал ночной порою... Ну, посмотрит — а что затем? Раздавит, как муравья? Прихлопнет, словно жалкую ящерицу? Сунет в бутыль для потехи? Да зальет ту бутыль крепким аргосским вином, сохраняющим плоть и кости долгие десятилетия? Или разразится грозными заклятьями, что превращают человека в ничтожную мышь, в ползучего гада, в прах, пепел?»

Внезапно, глядя в чудовищное лицо, склонившееся над ним, Конан понял, что никакие грозные заклятья не нужны. Он и так был уже жалкой ящерицей, ничтожной мышью, муравьем, бесполезным прахом и пеплом! Что еще мог сделать ему колдун? Как наказать? Только смертью... Но смерти Конан не боялся, а потому, разом успокоившись, сел у хрустальной стены на тряпку — на тот спасительный клочок ткани, что сохранил ему жизнь.

Арруб, похоже, еще не разглядел незванного гостя. Наклонившись, он подобрал меч и с видимым усилием положил оружие на стол рядом с хрустальной темницей Конана, потом принял разглядывать его одежду и сапоги. Наконец, взгляд целителя коснулся пустого кувшина из-под медового напитка, и кустистые брови на его лице полезли вверх. Теперь киммериец рассыпал невнятное бормотание, подобное далеким раскатам грома:

— Сапоги... и пояс... и штаны... Да еще меч! Серебряная шкатулка с порошком кинну... она лежала на самом верху... И кувшин стоял там... Хмм... Полный! Был полный, а теперь — пустой! Был раствор кинну в меду, а теперь — ни капли! Отсюда — посылка и следствие... да, посылка и следствие, как учит вендийская мудрость... Посылка же такова: некий сын черепахи забрался в дом и вылакал настойку кинну... Верная посылка, правильная — коль есть меч, штаны и сапоги, а настойки нет! Теперь разберемся со следствием... если только я его не раздавил... этого черепашьего сына...

— Не раздавил! — во весь голос крикнул Конан. — Я тут!

Арруб вздрогнул и приставил огромную ладонь к чудовищному уху.

— Тут — это где? — пророкотал он, разглядывая тигли, змеевики и стеклянные сосуды, громоздившиеся на столе.

— Тут, в лохани под медной крышкой, — уточнил Конан. Он поднялся, вытянулся во весь рост и стукнул в хрустальную стену кулаком, чтобы привлечь внимание Арруба.

Целитель наконец-то его разглядел. Протянулась исполинская рука, похожая на толстенного змея с пятью шеями, крышка над головой Конана сдвинулась с тихим шуршанием, затем согнутый крючком палец опустился вниз, словно предлагая Конану оседлать его. Он так и сделал — и тут же вознесся кверху, на медную пластину, прикрывавшую хрустальный саркофаг. Уверившись, что колдун не собирается кончать его немедля, киммериец сел, скрестив ноги, и молча уставился в лицо Арруба. Оноказалось ему темным, иссеченным морщинами пиком под снежной шапкой волос — видимо, целитель был очень стар.

Арруб, тоже не говоря ни слова и сдвинув седые брови, взирал на крохотное существо,

пристроившееся на крышке саркофага, среди фигурок драконов и стеклянных трубок, пронизывающих пластину насквозь. Наконец он прогрохотал:

— Ах, черепаший сын! Дурная голова! Мало что вылакал настойку кинну, так еще угодил прямиком в мой хибат!

— Ну и что? — спросил Конан.

— А то! Настойка превратила тебя в крошечного гнома, а хибат... Если бы я начал смешивать в хибате горячительные и охлаждающие зелья, да еще кипятить их на огне, от тебя осталось бы меньше, чем ничего!

— Невелика потеря, — с мрачной ухмылкой сказал Конан. — Клянусь Кромом, от меня и так осталось меньше, чем ничего!

Старый мудрец хмыкнул, пощарил рукой на столе, и в пальцах его сверкнул выпуклый стеклянный диск, на котором Конан мог бы улечься, вытянув руки и ноги. Арруб поднес стекло к глазу и начал разглядывать гостя, хмыкая и что-то басовито бормоча. Его исполинский зрак нависал над киммерийцем подобно оку всевидящего божества. Но был он, несомненно, человечьим, а не божественным — выцветшим, серовато-коричневым, в кровяных прожилках.

— Ты не прав, — произнес целитель, закончив изучение, — кое-что еще можно рассмотреть. Не так много, поскольку ты выпил чудовищную порцию настойки, но — хвала богам! — что ее не оказалось вдвое больше. Тогда бы мне не помог и увеличительный диск из лучшего и самого чистейшего хрусталия... А сейчас я кое-что разглядел! Теперь я знаю, что волосы у тебя черные, а глаза — синие, и что телом ты мужчина, а лицом — мальчик. Сколько же ты видел весен, сын мой?

— Восемнадцать, — ответил Конан, прибавив себе полгода или год. Мать, возможно, и помнила точный его возраст, но сам он такими мелочами не интересовался.

— Восемнадцать... — задумчиво протянул старец, и над Конаном будто громыхнули отзвуки дальних громов, какими гневный Кром, Владыка Могильных Курганов, пугает смертных. Но Арруб, похоже, не гневался и пугать его не собирался.

— Значит, тебе восемнадцать весен, — повторил он. — Прекрасный возраст, когда человек еще достаточно молод, чтобы воспринять любую науку, и достаточно крепок, чтобы не рухнуть под грузом знаний... Но ты, как я полагаю, уже обзавелся ремеслом, а? Не слишком почтенным, однако боги благославляют всякое умение... особенно Бел... — Тут Арруб в очередной раз хмыкнул, потер морщинистую щеку и неожиданно спросил: — Так как же тебя зовут, юный слуга Бела? Откуда ты родом? И что искал в моем доме?

— Зовут меня Конан из Киммерии, а искал я у тебя то, что всегда ищут слуги Бела — золото, камни или иные сокровища. Говорят, ты очень богат, мудрейший?

Но Арруб словно не заметил последнего вопроса.

— Киммерия... — раскатился над Конаном его гулкий голос, — Киммерия... Это на севере, между Гандерландом и Ванахеймом... Много скал и снегов, много волчьих стай и мало пищи... Но достаточно железа и крепких рук, чтобы сковать меч и поднять его для грабежа... Ты из таких, молодой северянин?

— Из таких, — согласился Конан, ибо отрицать очевидное было не в его правилах. Затем, поерзав на холодной медной пластине и чувствуя, что разговор предстоит долгий, он сказал: — Не дашь ли ты мне подстилку, премудрый? А то мой зад скоро примерзнет к твоему хибату.

— Что?.. А, ну да, конечно! — Арруб подцепил двумя гигантскими пальцами клочок

ткани и бросил гостю. — Вот, подложи, сын мой. Вредно сидеть на холодном; это вызывает отлив желтой и красной желчи в членах и прилив черной.

— А потом?

Целитель пожал гороподобными плечами.

— Можешь остаться без наследников, мой юный северянин.

— Клянусь Кромом, это меня сейчас не волнует, — промолвил Конан. — И лучше бы тебе, премудрый, не толковать о желтой, красной и черной желчи, а приниматься за дело.

— Это за какое дело? — пророкотал Арруб с явным недоумением в голосе.

— Смешай в своем хибате горячительные и охлаждающие зелья, добавь чего положено, подогрей, а потом дай мне выпить. Только вина или меда плесни побольше!

— Это еще зачем?

— Затем, чтобы снадобье твое не очень горчило.

— Какое снадобье?

Непонятливый старик, подумал Конан и терпеливо пояснил:

— Твое зелье превратило меня в гнома, так? Значит, нужно сварить другое зелье, чтобы ко мне вернулись прежний рост и сила. Или ты думаешь, что я так и просижу всю жизнь на крышке твоего хибата?

Челюсть у целителя отвисла, и это было жуткое зрелище — словно гигантский дракон разинул пасть-пещеру, в которой могла поместиться целая сотня крохотных Конанов. Затем Арруб расхохотался. Казалось, над головой киммерийца раскололись небеса; оглушительные громоподобные звуки терзали его слух, от налетевшего жаркого ветра он едва не растянулся ничком. Нелегко пережить смех гиганта, промелькнуло в его голове. А гнев?..

Но Арруб, странное дело, все еще на него не гневался. Отсмеявшись, он вытер краешком мантии брызнувшие из глаз слезы и сказал:

— Увы, сын мой, я не могу смешать потребного тебе снадобья. Только не подумай, что я сердит на тебя и желаю отомстить! Месть недостойна мудрых... особенно месть из-за денег, которых ты здесь так и не нашел... Зато обнаружил ларец с порошком кинну и кувшин с его настоем, уменьшающим человека и всякую живую тварь... Но вот какая незадача: бальзама, что прибавлял бы рост, у меня сейчас не имеется. Надо выписывать его из мест, где произрастают всякие чудесные травы и злаки — например, из Вендии, а это займет никак не меньше года.

— Года? — Волосы на голове у Конана встали дыбом. — Ты в своем уме, почтенный? Кром! Целый год ждать, пока привезут из Вендии какую-то паршивую траву? Да я... я...

Ярость его была беспредельна, и в этот миг Конан не вспоминал, что явился в дом мудреца незваным гостем и выпил мед с чародейной настойкой по собственной воле и своему разумению. Не думал он и о том, сколь мал и ничтожен теперь и сколь велик против него Арруб — словно скала рядом с мышью. Не было здесь грозного воителя, варвара из Киммерии с длинным и широким мечом; был лишь крохотный гномик, коего всякая тварь вроде крысы или кошки могла проглотить в один присест.

Но к чести Конана надо сказать, что он быстро опомнился, сообразив, что не стоит гневить целителя. Нахмурив брови, он мрачно уставился в пол, и хоть Арруб не мог разглядеть выражение на его лице, маленьком, как горошина, но догадался, что молодой северянин пребывает в тоске и печали.

— Послушай, сын мой, — произнес мудрец, — если не хочешь ждать целый год, можно управиться и в меньшее время. Есть у меня переписанная хайборийскими рунами Книга

Предвечных Тайн, оригинал которой разыскали некогда в руинах древних валузийских городов, и есть в ней заклинание, что возвращает истинный облик человеку, попавшему под действие всяких магических чар или зелий. Сложное заклятье, надо заметить, но думаю, тебе оно поможет. В той же Книге сказано и о многих других тайнах, даже о грядущем, что еще не наступило, и коль хочешь, я мог бы по ней предсказать твою судьбу. Вот, к примеру...

— Не надо! — взмолился Конан. — Избавь меня от предсказаний! Лучше прочти нужное заклятье и сделай меня таким, как прежде!

— Мне читать его бесполезно, юный северянин, ты сам должен это сделать, и лишь тогда свершится превращение. Нельзя также произнести заклятье, выученное с чужих слов, ибо магия, заключенная в Книге, не вступит тогда в связь с твоим разумом и плотью. Ты и только ты должен прочитать его — и совершенно правильно, сын мой, без малейшей ошибки! Иначе хоть тело твое и увеличится, но члены будут ему не пропорциональны.

— Не... про... — начал Конан, но запутался и воскликнул: — Что это значит? О чем ты tolкуешь, старик?

— О том, что одно получится слишком длинным, а другое — слишком коротким. Тебя ведь не устроят руки в десять локтей, а ноги — в локоть? И уши как у слона? Так что, читая заклятье, пострайся не ошибиться! Ну, а сейчас я возьму книгу и найду в ней нужное место...

И с этими словами мудрый эль Apprub прищелкнул особым образом пальцами, а затем вытянул вперед обе руки и слегка согнулся, будто готовясь принять нелегкую ношу. Она и впрямь оказалась тяжелой: огромный фолиант вспорхнул с полки и опустился в ладони старика, заставив его скорчиться еще больше; и тут же послышался шелест страниц — мерный и тихий, но показавшийся Конану грохотом буйного водопада. Под этот шорох плечи юного киммерийца уныло поникли, на висках проступила испарина, а голос сделался таким хриплым, что Apprub едва разобрал его речь.

— Не трудись, мудрейший, не трудись, я не смогу прочитать, что написано в твоих пергаментах... ни это проклятое заклинание, ни страницу из других мудрых книг, ни полстраницы, ни даже четверть... Я, видишь ли, не умею складывать руны в слова.

Кустистые брови Appuba приподнялись, словно заросли седого лишайника вдруг поползли вверх по скале. Он опустил фолиант на стол рядом с мечом Конана и с удивлением произнес:

— Неужели, черепаший сын, ты дожил до восемнадцати весен, не обучившись грамоте?

— Там, где я родился, грамота не в почете. Мы пишем не стилем на выбеленной коже, а остриями мечей на шкурах наших врагов. И потоки их крови заменяют нам краску.

Эль Apprub снова потянулся к увеличительному стеклу и наставил его на Конана, точно желал яснее разглядеть этакое диво — невежду, не умеющего читать. Налюбовавшись на мрачную физиономию киммерийца, он похлопал ладонью по Книге Тайн и задумчиво вымолвил:

— Сколь велика бездна людского невежества! Какая умственная леность поразила молодежь! Снова и снова убеждаюсь я в этом, однако не перестаю удивляться! Ведь человек, не умеющий разобрать написанного, подобен слепцу, блуждающему в темном подземелье вокруг бездонного колодца! Ни выхода он не найдет, ни огнива, чтобы высечь искру и осветить дорогу, и свалится рано или поздно в колодец... Ну что же, северянин, выбирай: или ты обузишься грамоте, или будешь ждать целый год, пока из Вендии или Кхитая не привезут нужные травы. Год — невеликий срок, и если за это время тебя не сожрут крысы...

— Я буду учиться, буду! — поспешил мудрец Конан, вставая на ноги. Смерть в крысиной пасти казалась ему позорной; доселе так не погибал ни один киммериец, и Кром, конечно же, не принял бы его в свои могильные курганы. Подумав об этом, он снова повторил: — Я буду учиться, почтенный старец! Но уверен ли ты, что ученье займет меньше года?

— За год даже стигийского крокодила можно научить кувыркаться через голову, — сказал Арруб и хлопнул в ладоши. Книга Тайн дрогнула, воспарила над столом и покорно вернулась на свое место.

* * *

Старый эль Арруб в самом деле оказался добрым и незлобивым человеком и устроил все наилучшим образом. Для начала он передвинул в самый центр комнаты один из столов, освободив его от алхимических принадлежностей, и посыпал вокруг каким-то смрадным зельем, дабы крысы, обитавшие в подвале, до Конана не добрались. Затем он разыскал несколько мягких тряпич и клочков войлока, чтобы устроить Конану ложе и снабдить покрывалами и одеждой; налил ему вина в крохотный флакон и дал кусочек лепешки размером с тележное колесо. Затем целитель поднялся наверх и разбудил своего немого и глухого служителя, объяснив ему на пальцах, что нужно сделать. Еще не наступило утро, как Конан уже устроился со всеми удобствами — в большом ящике с песком, который принес слуга и водрузил на стол.

Песок, по мысли Арруба, давал гостю массу преимуществ. Во-первых, Конан мог прогуливаться по нему и справлять в одном из углов ящика естественные надобности; во-вторых, он был мелким и мягким, так что киммериец спал на нем, расстелив свой войлок, как на самой лучшей из постелей; в-третьих, на песке было удобно чертить руны и стирать их, обучаясь грамоте; в-четвертых, попадались среди песчинок довольно большие величиной с конанов кулак, и этими булыжниками он мог отгонять мух, москитов и прочих летающих тварей. Наконец, в песке было удобно жечь костер из мелких щепочек, так что ночью Конан не страдал от холода в прохладном подземелье.

Устроив все описанным выше образом, старый Арруб, подобно Митре на седьмой день творения, сказал, что все выглядит прекрасно и хорошо: есть где прилечь, есть что поесть и есть где испражняться. Затем он повелел хрустальному шару, парившему у потолка, вспыхнуть плярче и приступил к первому уроку.

В последующие дни жизнь Конана не отличалась особым разнообразием: он спал, рисовал на песке знаки, показанные Аррубом, рассматривал их в книге, стараясь запомнить начертание и значение каждой руны, а в промежутках между этими занятиями ел, пил, прыгал и бегал, чтобы не застаивалась в жилах кровь, а также развлекался метанием песчинок в мух, соорудив для этой цели настоящую пращу. Вскоре у него набралась целая коллекция гибких мушиных крыльшек, коими было удобно разравнивать песок во время учения; некоторые же из них Конан использовал вместо подносов, укладывая на эти полупрозрачные овальные пластины хлебные крошки, частички мяса и овощей, которые три раза в день приносил ему немой, глухой и невозмутимый слуга Арруба.

Что касается науки чтения и письма, то вначале она давалась киммерийцу с великим трудом и муками. Обладая хорошей памятью и юношеской остротой восприятия, он

довольно быстро запомнил все руны, но почему-то они никак не желали складываться в слова. Конан не мог взять в толк, что каждая из знаков-рун имеет не только название, но обозначает еще и некий звук, долгий или краткий, протяжный, напевный или отрывистый, подобный то шипению змеи, то птичей трели, то звериному крику. Он не понимал, как из этих бессмысленных свистов, хрипов и трелей получается человеческая речь — беззвучная, которую надо произносить про себя, считывая руны с пожелтевших пергаментных страниц. Это являлось великим таинством, которое он еще не постиг; однако он очень старался и целыми днями свистел, хрипел и шипел, пытаясь уловить ускользающий секрет связного чтения.

Под водительством Аппуба он выучил хайборийский алфавит, которым пользовались во многих странах и землях, от Аргоса и Зингары на западе до Коринфии и Бритунии на востоке. Во всех этих краях речь была схожа, ибо некогда хайборийские племена, пришедшие с северных гор и равнин, являлись единым народом, лишь с течением лет раздробившимся на десятки больших и малых королевств и княжеств. И хоть зингарцы смешались при том с пиктами, а кофиты — с шемитами, язык их оставался понятным и для обитателя Аквилонии, и для северян из Гандерланда и Пограничного Королевства. Руны в своем начертании тоже были сходными и обозначали одни и те же звуки, но назывались в разных местах по-разному. Были, правда, у рун и общие имена, которыми пользовались жрецы Митры во всех странах; их-то Аппуб и заставлял заучивать Конана.

В этом алфавите знаки обозначались именами богов, и каждое из них соответствовало той руне, что звучала в начале божественного имени. Были среди них символы милости и любви — такие, как «М», с коего начиналось священное имя Митры; были знаки нейтральные либо переменчиво-лукавые — например, «А», «Э» и «Б», обозначавшие Аrimана, туранского Эрлика и хитроумного Бела; были страшные — «С», «Д» и «Н», которыми владели Сет, Великий Змей Вечной Ночи, его приспешница Деркето и мрачный Нергал. Те руны, для которых не нашлось божественных имен, носили названия животных и птиц, и тут Конан с удивлением обнаружил, что знак «К», начало его собственного имени, принадлежит не грозному Крому, Владыке Могильных Курганов, а коню. Кром и другие божества северян вроде ванахеймского Имира не удостоились чести попасть в алфавит — скорее всего, по той причине, что были они богами новых народов и племен, о чьем существовании стало известно лишь в последнюю тысячу лет. Разумеется, Сет, которому поклонялись в Стигии, или Нергал, повелитель Серых Равнин, во много раз превосходили древностью и самих киммерийцев, и их грозного Крома.

Но это открытие не обескуражило Конана — вернее, оставило его равнодушным. В какой-то миг он понял, что волшебный смысл рун заключается не в их названиях, что могли в разных странах обозначать различное, но в звуках, которые были одинаковы повсюду. Это стало поистине великим открытием! Теперь он знал, что знаки «К» и «О», «Конь» и «Орел», надо читать как «КО», а если к ним добавить «Н», «А» и еще раз «Н», то получится его собственное имя. Твердо усвоив это, он все же вспомнил об именах знаков, и некоторое время размышлял над тем, какую месть с их помощью можно уготовить Ши Шеламу, втравившему его в такие хлопоты и неприятности. К примеру, если взять кинжал и начертить на левой ягодице коротышки руну «Ч», а на правой — «Н», то получится вполне подходящая татуировка, и значить она будет «Червь Нергала»! А лучше выколоть ее у Ловкача на лбу, и не двумя рунами, а всеми двенадцатью! И ниже расписаться: Конан из Киммерии!

Он уже мог составить такую надпись, но первым словом, прочитанным и написанным

им, было не собственное имя и не название родной страны, а слово «Клинок». Оно звучало и писалось благородно, и все руны — почти все! — были в нем на месте и при деле. Дважды «Конь» — потому что удар сильнее, если клинком рубят с коня; «Лев» и «Орел» — потому что нет воинственнее зверя и птицы, и каждый из них царствует среди мохнатых или пернатых собратьев; «Нергал» — потому что сраженный клинком отправляется на Серые Равнины, попадая под власть мрачного бога мертвых. Пожалуй, лишь руна «И», коей владела нежная богиня Иштар, была тут лишней... А может быть, и нет! Возможно, она служила напоминанием о милости, которую стоит проявить к побежденному?..

Но мысль эта промелькнула в голове Конана и ушла. Теперь, когда он постиг тайну сложения слов из символов-звуков, руны заговорили с ним, и с пергаментных страниц потекли живые речи, полились удивительные истории — быть может, не такие уж новые для Конана по сути своей, но чарующие тем, что рассказывал их не сказитель, не певец, а клочок кожи, исчерченный ровными строками угловатых значков.

Случайно или намеренно, но получилось так, что предназначенная для обучения книга была сборником притчей и сказаний Вендии, переведенных на хайборийский. Видимо, мудрый Арруб дал ее Конану лишь по одной причине — эта книжица являлась самой маленькой в его библиотеке, совсем крохотной, размером в половину ладони, исписанной буквами величиною с гречишное зерно. С другим фолиантом Конан бы не справился — ведь даже этот томик, который он мог бы некогда спрятать в кулаке, теперь был вдвое выше его и выглядел словно огромный, обтянутый кожей сундук. Но все же киммериец мог его ворочать, откидывать тяжелую крышку и листать пергаментные страницы. Он делал это с удовольствием, и не только по утрам и вечерам, когда эль Арруб давал ему уроки, заставляя чертить на песке продиктованное, или переписывать несколько строк из книги, или читать ее вслух, не торопясь и без ошибок. Теперь Конан мог сам разобраться с вендиjskими историями — не очень быстро, зато основательно вникая в каждое слово и каждую фразу. От завтрака до обеда он успевал одолеть целых три страницы, и еще столько же — от обеда до ужина. Это было куда интереснее, чем сшибать песчинками мух или валяться на песке, придумывая казни поганцу Ши Шеламу.

Так, в вендиjskой книге была притча о мудреце, сидевшем на речном берегу. Некий путник подошел к нему и спросил, далеко ли до ближайшего селения, и мудрец сказал ему: «Иди!» Путник спросил вновь, и вновь услышал: «Иди!» Когда же он сделал несколько шагов, мудрец крикнул: «Ты доберешься туда к вечеру!» Удивленный путник остановился и спросил: «Почему же, почтенный, ты не сказал мне этого раньше?» «Раньше я не знал, сколь быстро ты идешь, — пояснил мудрец. — Ведь черепахе и лошади потребно разное время, чтобы одолеть одну и ту же дорогу».

Еще там была история о ловком пройдохе, великому властителю и его любимом гончем псе. Пройдоха взялся обучать собаку человечьей речи, испросив за это мешок серебра и прозакладывав голову, что через десять лет пес заговорит не хуже властительного хозяина. Когда же друзья стали его жалеть (ибо собака лишь грызла кости да гонялась за зайцами, а к учению была совсем неспособна), пройдоха ответив так: «Десять лет — большой срок, и за это время кто-нибудь из нас отправится на Серые Равнины: или я, или наш владыка, или его пес».

Понравилась Конану и сказка про юношу-бедняка, что нашел волшебный браслет, повелевавший могучим демоном — из тех великих духов, коим дано строить и разрушать города, летать по воздуху и сотрясать землю. Дух оказался преданным, как верный конь; даже

когда браслет похитили, он не подчинился новому хозяину, а уничтожил его хитростью и обманом, разыскав затем прежнего своего господина, попавшего в темницу. А после того он сокрушил стены тюрьмы, разделался с врагами бедняка и привел его к величию — прямиком к трону и короне.

Встречались Конану и такие истории, которых он не понимал. Например, рассказ о могучем царе, победителе чужеземных армий, владевшем землями и водами от восхода до заката. Все у него было: и прекрасные жены, и почтительные сыновья, и верные поданные, и богатство, и власть... Но в зените могущества своего царь вдруг оставил и жен, и сыновей, и войско, и свою столицу; в рушище нищего отправился он в путь по пыльным дорогам, дабы обучать людей тому, что понял сам: всякая жизнь священна, войны — зло, земные сокровища — тлен, и лишь к бедным и смиренным обращены лица богов... Видно, размышлял Конан, речь тут идет о вендийских богах, жалких и пугливых, как степные суслики, и совсем не похожих на Крома. Его Кром был божеством воинов; он любил лицезреть жаркие схватки и веселился, глядя на трепет печени, вырванной из тела врага.

Итак, шли дни, и Конан читал все быстрее и все лучше и правильнее чертил руны на песке, обозначая свое имя, затем имя мудрого Арруба, а также великие слова, которые полагалось прибавить к этим именам — «Ученик» и «Учитель». Наконец он закончил вендийскую книгу и смог изобразить длинную надпись, где говорилось о том, что Конан Киммериец постиг секреты рун, что тайный их смысл понятен ему и не является более загадкой, а значит, пора переходить к делам более серьезным. И старый Арруб, прочитав эти строки, согласно кивнул: пора!

* * *

— Ну, сын мой, — произнес целитель, раскрывая Книгу Предвечных Тайн, — лишь месяц миновал, а ты уж не слепец, что бродит в темноте у гибельного колодца. Может, желаешь продолжить учение? Отложи меч и возьми инструменты, предназначенные для врачевания ран, и я открою тебе великие тайны...

— Нет, — сказал Конан, — нет. Будет лучше, если каждый из нас займется своим делом: я стану наносить раны, а ты, премудрый — исцелять их. Подумай, ведь если я брошу меч, то ты можешь остаться без работы и помереть с голоду.

Эль Арруб печально усмехнулся.

— Спасибо, кормилец. Но думаю я, что в этом мире, с твоим мечом или без оного, работы мне хватит. Ведь кроме ран есть еще и болезни! — С этими словами он раскрыл фолиант на нужной странице, утвердив его прямо перед Конаном на краешке стола. — Читай, мой юный северянин! Сначала про себя, дабы не наделать в заклятье ошибок, а потом вслух. Читай громко и четко, памятуя о том, что ты не должен останавливаться, и речь твоя не должна прыгать водопадом, а струиться плавным потоком. Ибо читать ты будешь не вендийские сказки, а могущественное заклинание, в коем всякий звук, интонация и пауза имеют смысл и скажутся на результатах колдовства.

Конан кивнул и впился глазами в магические строчки, что должны были превратить его из жалкого карлика в человека. Заклятье было длинным и непонятным, написанным хайборийскими рунами, но не на хайборийском языке. Валузия, вспомнил он, Валузия и ее древние города, лежащие нынче в руинах... Что за королевство такое? Где оно находилось и

когда погибло? И кто сокрушил его твердыни?..

Но мысли эти промелькнули и ушли; сейчас Конан видел только ровные строчки на огромном желтоватом листе да исполненную фигуру Арруба, что возвышалась в отдалении подобно окутанной темной мантией скале.

— Готов, сын мой? — произнес целитель.

— Готов, — ответил Конан внезапно охрипшим голосом.

— Тогда сядь! А то как бы тебе не свалиться со стола после превращения.

Конан уселся на песок, скрестив ноги.

— Читай! — приказал Арруб.

Киммериец начал читать — не останавливаясь, стараясь, чтобы речь текла размежено и плавно, чтобы каждое слово звенело, как удар меча о бронзовый щит, чтобы уносилось оно быстрой стрелой, подобной небесным молниям Митры, чтобы рокотало оно и гремело громами Крома. Звуки падали, нарушая тишину, царившую в подземелье, и вдруг Конан заметил, что светящийся шар у потолка пылает и пульсирует в такт его словам, будто придавая заклинанию вещественность, силу и некую зримую мощь. Он продолжал говорить, а хрустальная сфера тем временем разгоралась все ярче и ярче, жгла все сильнее и сильнее, сияла все ослепительнее, пока не вспыхнула огнем тысячи солнц.

И этот огонь, павший внезапно с каменных небес, спалил его крохотное тело. Он погиб! Так гибнет мотылек, попавший в жаркое пламя свечи...

Конан закричал, забился — и обнаружил, что сидит на небольшом столе, в ящике с песком, где едва помещались его ноги. Прямо перед ним лежала книга, тоже не слишком большая и уже закрытая, а к книге тянулся невысокий худой старик в мантии из темного сукна. Руки у него были тонкими, лицо и шею иссекали морщины, а глаза под кустистыми лохматыми бровями казались шариками выцветшего и поблекшего янтаря.

Старик поднял книгу и дунул на нее легонько, отправив в полет к полкам. Затем его сухая теплая ладошка коснулась плеча Конана.

— Ну, сын мой, вот ты и совершил свое колдовство! И до чего же ты велик теперь! Я вижу, боги не поскупились, отпустив тебе все двойной мерой — и кости, и мышцы, и жилы, и кровь... А сейчас встань и позволь мне тебя осмотреть... все ли в порядке и не потерпел ли ты какого ущерба...

Конан спрыгнул со стола и чуть не свалился на пол — левая его нога была на три пальца длиннее правой, а то, чему полагалось болтаться между ног, он и вовсе не сумел разглядеть. Не осознав еще случившейся катастрофы, он услыхал спокойный голос эль Арруба:

— Ничего страшного, мой юный северянин, ничего страшного! Ты сделал две маленькие ошибки, читая заклинание, но мы их сейчас исправим... непременно исправим... Встань ровно и не шевелись!

Конан вытянулся, насколько это позволяли ноги разной длины, стараясь не глядеть вниз и каменея от ужаса. В следующий миг целитель пропел какую-то длинную фразу, пол под ступнями киммерийца дрогнул и сделался устойчивым, как базальтовая скала. Он опасливо покосился на свой живот, скользнул взглядом ниже — там все было в порядке. В полном порядке, лучше некуда!

Старый мудрец внимательно оглядел его, точно желая убедиться, что все пребывает на своем месте, и все члены получилисьальной величины и надлежащего размера, не короче и не длиннее, чем положено. Затем снова потрапал юного киммерийца по плечу.

— Одевайся, сын мой. Бери свой меч и свой мешок. И если залезешь ко мне в другой

раз, то не трогай мои зелья, не нюхай и не пей их. Тут есть опасные снадобья... От иных ты почернеешь, как люди из земли Куш, а от других и почернеть не успеешь. И даже Книга Тайн и все хайборийские руны тебя не спасут!

— Да хранят тебя боги, премудрый, — пробормотал Конан, торопливо натягивая штаны и сапоги. — Ты слишком добр ко мне, и я этого не забуду.

— Хорошо, если так, — кивнув головой, произнес Арруб. — И я хотел бы оставить тебе добрую память... — Взгляд его скользнул по огромной и мощной фигуре Конана, остановился на объемистом мешке и замер. Помолчав, мудрец сказал: — Ты, северянин, проник в мой дом с нехорошим умыслом и злой целью, однако сам себя же и наказал, приняв много мук, трудов и страха за свою вину. И увидел я, что есть в тебе мужество, и есть упорство, и есть светлый разум, сила и терпение... Великие добродетели, сын мой! Взвесив их и оценив, решил я, что грех твой искуплен с избытком, а избыток таков, что заслуживает награды. И потому, мой юный северянин, прими от меня подарок — один из двух даров, какой выберешь сам. Вот, гляди!

Эль Арруб прищелкнул пальцами правой руки, и вдруг под одним из высоких столов, где была прежде одна лишь пустая пустота, вспыхнули неяркие зарницы; а когда они погасли, очарованному взгляду Конана явился огромный сундук с откинутой крышкой, окованный для прочности полосами черного железа. И был тот сундук до верха набит монетами из всех стран Хайбории и восточных государств — звонким и полновесным золотом из Турана и Аквилонии, Коринфии и Офира, Шема и Зингары, Гиркании и Заморы. Монеты вздымались грудой, и казалось, будто над сундуком выпирает спина невиданного дракона в золотых чешуях, и каждая чешуйка сверкало и искрилась как крохотное солнце. Это было великолепное зрелище! И Конан не отказался бы созерцать его как можно дольше.

Но тут Арруб щелкнул пальцами левой руки, и сразу же на полках с инкунаулами и фолиантами наметилось некое шевеление, а затем в ладонь захаря слетела книжица в переплете из коричневой тисненой кожи. Была она не толстой и не тонкой, не маленькой и не слишком большой — в самый раз, чтобы засунуть в дорожный мешок. Мудрец бережно огладил ее, приласкал прикосновением и произнес:

— Ты пришел сюда за золотом, сын мой, но знание дороже золота и всех сокровищ мира, сколько ни собрано их в дворцах владык и купеческих сундуках от Западного океана до Восточного. Сокровища приходят и уходят подобно реке, прибывающей весной и сохнущей летом, а знание и мудрость всегда с тобой. И никто не отнимет их — ни сильный, ни жестокий, ни жадный... — Целитель задумчиво покачал на ладони книгу в коричневом переплете, покосился в сторону раскрытого сундука и прибавил: — Однако, северянин, человек сам выбирает свой путь; одни жаждут богатства и славы, другие — мудрых слов, что начертаны на пергаменте и шелке. Выбери и ты! Возьми свой мешок и подумай, что положишь в него: живые слова чудесных историй либо мертвый металл, желтый прах алчности... Выбирай!

Подобно старому Аррубу киммериец поглядел на книжицу, затем — на сундук, сверкающий золотой драконьей чешуей. Прошло изрядное время, и наконец глаза его вновь обратились к книге.

— Скажи, мудрейший, что за чудесные истории записаны в этих пергаментах? Наподобие вендинских сказок и побасенок, что ты заставлял меня читать? Или там могущественные заклятия, оберегающие от всех напастей? Или советы, как стать богатым, разыскав древний клад?

Мудрец покачал головой.

— Ни первое, ни второе, ни третье, северянин. Здесь, — он бережно погладил книгу, — рассказано о жизни и деяниях славного воина былых времен, о подвигах его, победах и поражениях, и о том, как скитался он по свету от Пустошей Пиктов до гор Кхитая, от льдистых равнин севера до жарких южных лесов, сражаясь с демонами и чудищами, побивая неправедных, наказывая злых и защищая обиженных. Так прошла его юность, а в зрелые годы, как написано в сем трактате, воин набрался опыта да ума, и, прознав о том, собрались под его знаменами люди, возжелавшие справедливости. И пошел с ними воин в поход, и взял он под руку свою города и земли величайшего из королевств, и правил долго, оставаясь милостивым к подданным своим и безжалостным — к врагам. Всем успел он насладиться, все познал: и любовь женщины, и верность друга, и радость встреч, и торжество побед, и горечь разлук, и богатство, и нищету... А когда жизнь его склонилась к закату, оставил он престол и венец, отказался от власти, сел на корабль и уплыл за океан, дабы насытить взор свой созерцанием еще невиданных чудес... Так написано в книге, и я этому верю!

— Клянусь Кромом! Забавная история, и впрямь забавная! — сказал Конан. — Хотелось бы мне узнать ее с начала и до конца!

— Ну, так узнай! Станешь читать, и не забудешь то, чему научился... как складывать буквы в слова, а слова — в живые речи... да, живые, хоть вещает нам не человечий голос, а лист пергамента, исписанный маленькими знаками... Бери книгу, сын мой! Или бери золото! Что бы ты ни выбрал, я не останусь в обиде.

Долго молчал Конан, хмурился и вздыхал, посматривая то на фолиант в руках мудреца, то на соблазнительно сверкающую груду золота, на турецкие, аквилонские, офирские и зингарские монеты, сулившие женщин и вино, сладкую еду и красивые одежды, резных скакунов, изукрашенное самоцветами оружие и тысячу других соблазнов. Все, кроме мудрости! Ибо, купив книгу за деньги, мудрость не приобретешь; лишь прочитавший написанное в ней приобщится к мудрому слову, услышит глас минувшего, узнает о великих деяниях предков, о героях, что топтали землю и звенели мечами в те времена, когда мир был юн и подобен раскрывающемуся цветку лотоса...

И еще думал Конан о том, что книгу и мудрость, в отличие от золота, не придется делить с Ловкачом Ши. Возможно, мысль эта была решающей: наконец он тряхнул головой, потянулся к своему мешку и распустил кожаные завязки.

— Я возьму пергаменты, почтенный Арруб! И я узнаю о воине, исходившем всю землю! А золото... Что золото!.. Тут ты прав, старик: его можно отнять, а кто отнимет записанное в памяти? Разве лишь боги! Но я с ними в свары не вступаю.

И Конан, сунув книгу в мешок, направился к лестнице. Старый эль Арруб глядел ему вслед с непроницаемым выражением на увядшей физиономии, где каждая складка и морщина будто являлась зарубкой времени, отмечавшей то ли прожитое десятилетие, то ли целый век. Но глаза целителя улыбались, что придавало ему вид человека, довольного совершенным делом. Ибо многие годы назад он познал великую тайну, божественный секрет счастья: дарящий обретает втройне. Одари лепестком знания, и он вернется пышной розой мудрости!

У лестницы, ведущей наверх, Конан обернулся.

— Ты сказал, премудрый, что в пергаментах написано о воине, ставшем королем. Как его звали? В каких краях был он рожден и когда жил на свете? Может, в Валузии?

Губы старца шевельнулись в улыбке, и Конан услышал:

— Может быть, сын мой... Читай! Читай, и все узнаешь!